

МАРК МИХАЙЛОВИЧ ШАХНОВИЧ

кандидат исторических наук, научный сотрудник
Национальный музей Республики Карелия
(Петрозаводск, Российская Федерация)
marksuk62@mail.ru

ТРОИЦКИЙ МУЕЗЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В ЗАПАДНОМ БЕЛОМОРЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья является первой работой об археологии Троицкого Муезерского монастыря в Западном Беломорье. Монастырь основан соловецким монахом Кассианом во второй половине XVI века на острове озера Муй. Это единственное место в Беломорской Карелии, где до наших дней сохранился прекрасный памятник церковного зодчества XVII века – храм святителя Николая Чудотворца. В 2019 году на территории усадьбы монастыря впервые проводились археологические работы. Основной задачей было выявление элементов древнего культурно-хозяйственного ландшафта монастырской усадьбы. Предполагалось уточнить границы памятника, локализовать на местности основные монастырские сооружения, понять их состояние, наметить стратегию последующих работ. Найдено большинство монастырских объектов, описанных в исторических документах. Это сгоревшая Троицкая церковь XVI века, каменная стена, ледник, остатки келий, каменный крест, кладбище. Новая информация увеличивает наши знания о позднесредневековых монастырях Карелии.

Ключевые слова: Троицкий Муезерский монастырь, озеро Муй, Западное Беломорье, монах Кассиан, ограда монастыря, ледник из валунов, каменный крест, археологические работы

Для цитирования: Шахнович М. М. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье: археологический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 8–18.
DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477

ВВЕДЕНИЕ

История православия Северо-Запада России в XVI–XVII веках отмечена всплеском «монастырской активности». На территории современной Карелии существовало около сорока разновеликих православных обителей. За небольшим исключением, все они были основаны местными крестьянами, выбравшими с юношества монашескую стезю и первоначально долгое время подвизавшимися в трех крупных духовных центрах Карелии: Валаамском, Соловецком и Александро-Свирском монастырях. Иноческие обители преимущественно локализовались в Южной Карелии – на островах побережий Онежского и Ладожского озер и связанных с ними внутренними водоемами (Оштинский, Шуйский, Кижский, Андомский, Сердобольский, Олонецкий погосты). В Западном Прибеломорье, в Лопских погостах в XVII–XVIII веках единственная известная нам монашеская община – это Троицкий Муезерский монастырь, основанный соловецким постриженником преподобным Кассианом [6].

С конца XX века изучение позднесредневековых церковных древностей стало актуальным направлением в российских исследованиях. До 1990-х годов небольшие православные мо-

настыри Карелии редко становились предметом исторического и археологического изучения, не получая должного специального анализа и интерпретации. Ситуация изменилась в последнее десятилетие, когда археологической экспедицией Национального музея Республики Карелия было проведено обследование ряда монастырских усадеб Русской Лапландии и Южной Карелии, что значительно восполнило существовавшие исследовательские лакуны [19], [20], [21].

Небольшое озеро Муй (8 x 5 км) располагается в 60 км к западу от г. Беломорска. Через приток Кеми, порожистую реку Охта, оно соединяется с Белым морем. Его берега – «темные», низкие, каменистые, местами заболоченные. В центральной части водоема находится остров Троицкий (1,8 x 0,5 км). Это единственное место в Беломорской Карелии, где до наших дней сохранился прекрасный памятник церковного зодчества XVII века – храм святителя Николая Чудотворца. Начиная с 1960-х годов на острове, где располагался Троицкий монастырь, побывали экспедиции реставраторов, этнографов, историков, краеведов. Появились публикации, посвященные различным аспектам его истории [7], [11], [14] и культовым сооружениям [1], [3], [10], [22], [23].

ИСТОРИЯ КАССИАНОВОЙ ОБИТЕЛИ

Муезерский монастырь возник на границе Ругозерской и Кемской волостей в царствование Ивана IV, не позднее начала 1570-х годов [23: 30], до образования вотчинного округа Соловецкого монастыря в 1592 году. В отводной книге сотника Семена Юренева (1591 год) есть краткие сведения о мужской обители в Маслозерской волостке:

«Да на Маслозерской ж земли на Муезере на острову монастырек, а в нем храм Троицы Живоначальные, пустынька, а в ней пять братов, а питаются от своих трудов лешео пашанкою и на озере рыбу ловят. Да на Муезере ж бобыльских 6 дворников»¹.

По преданию, основателем общежительной обители на острове озера Муй был постриженник Соловецкого монастыря Кассиан. Об этом местночтимом святом нет никаких биографических подробностей; время его преставления и прославления неизвестно [5]. В архивных документах имя строителя Кассиана впервые встречается в 1572/73 году [22]. Предположительно при строителе старце Алексии прп. Кассиан был канонизирован правящим новгородским архиереем. В описи 1714 года основатель назван «строителем преподобным Касьяном» [1: 159], что можно считать доказательством свершившегося к тому времени его прославления (канонизации) [7: 182]. В 1836 году его упоминает архимандрит Досифей (Немчинов) в своем труде по истории Соловецкого монастыря².

Полученные в начале XVII века царские податные льготы и жалованные земли позволили маленькому монастырю, удаленному от основных путей сообщения, возвести все необходимые церковные, жилые и хозяйственные постройки. В середине XVII века монастырская усадьба включала два храма – Троицкий и Никольский, колокольню «о пяти столпах», пять отапливаемых братских келий «с сенми», сетную келью на берегу озера, большую келью для работников и монастырских служебников, хлебню и поварню, две конюшни, кузницу. В двух верстах от монастыря находилась его мельница с «келейкой малой с сенми теплыми» [23: 31]. В 1670-х годах построены новые кельи с чуланами, «анбар на струбах», квасоварня, «анбар казенной одножирной», «анбар на пристани двоежирной», отремонтированы церкви [7: 172]. Позднее появились только две новые часовни – «подле Николаевской церкви» и на берегу Муезера.

Братская община Муезерского монастыря была немногочисленна и не превышала в лучшие годы двух десятков монахов и послушников. Касьянова пустынь была приписана к Соловецкому монастырю до ее упразднения по секуляризационной реформе 1764 года. После этого при двух

монастырских церквях образовался небольшой приход, в состав которого входили соседние деревни Ушково и Афонино. Во второй половине XIX века уцелевшая Никольская церковь вошла в Маслозерский приход.

В 1974–1975 годах на Троицком острове проводились реставрационные работы под руководством архитектора А. В. Ополовникова. С Никольского храма сняли обшивку и заменили сгнившие бревна. А. В. Ополовников застал хорошо сохранившееся «кладбище старообрядческого типа» со сбитыми из досок домовинами на огороженных жердями изгородями семейных участках [12: 274–278]. На большинстве могил были установлены надгробные резные столбики «голубцы» с двускатной кровлей, широко распространенные на Русском Севере и в Карелии до начала XX века [10: 117].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2019 ГОДА

История изучения. В центральной части Беломорского района Карелии, на озерах Тунгудское, Машезеро, Березово (бассейн р. Тунгуда), в 1980–1990-х годах археологи П. Э. Песонен, А. П. Журавлев, А. М. Жульников открыли и исследовали раскопками более ста разновременных памятников археологии³. Соседняя гидросистема реки Охта, к которой относится озеро Муй, обследовалась ими выборочно. На отдельных участках побережий верховых озер были зафиксированы стоянки мезолита – энеолита (Кевятоzero I–VIII). В 1987 году П. Э. Песонен посетила озеро Муй (д. Ушково и остров Троицкий). Впервые целенаправленно Троицкий Муезерский монастырь был обследован в 2019 году археологической экспедицией НМРК под руководством М. М. Шахновича.

Методика работ. Перед выездом изучались доступные архивные, письменные и картографические источники, связанные с разными периодами истории Муезерской Касиановой обители. Это позволило очертить блок основных культовых, жилых и хозяйственных построек монастыря, существовавших в XVI–XIX веках. Методика полевой работы основывалась на личном опыте по обследованию монастырских усадеб позднего Средневековья – Нового времени в Карелии и Русской Лапландии.

В качестве участка для работ была избрана церковь свт. Николая Чудотворца и окружающая ее территория в восточной части острова. Первой задачей было выявление и картографирование элементов древнего культурно-хозяйственного ландшафта на участке монастырской усадьбы. Предполагалось уточнить границы памятника, локализовать на местности основные монастыр-

ские сооружения, известные по историческим документам, понять их состояние, наметить стратегию последующих работ. Полученные результаты превзошли наши ожидания. По сравнению с другими монастырскими усадьбами Карелии Касьянова пустынь дошла до наших дней в хорошем состоянии, несмотря на то что через Муезеро проходит туристический водный маршрут.

Сакральная топография. По устоявшейся традиции общежительные монастыри России строились с соблюдением определенных правил. Место для монастыря не могло выбираться произвольно, а указывалось Божественным Промыслом и очищалось молитвой. При избрании пристанища для отшельнической жизни православные подвижники Карелии придерживались правил, по всей видимости, сложившихся в XIV–XV веках: предпочитались острова, узкие перешейки между озерами и вытянутые мысы, которые нередко в начальные периоды строительства обителей перекапывались каналами, превращаясь в символичные острова [17: 436]. В системе евангельской топографии вода выполняла функцию преграды, отделявшей сакральную территорию «умерших для мира». Это было подражанием святыне православного монашества – «саду Богородицы» – полуострову Афон. Данному принципу следовали основатели большинства монастырей Карелии в XV–XVII веках.

Немаловажным было и эстетическое восприятие места крестьянами как достойного сакрального приложения: «Есть у нас близ нашея деревни остров зело красен и велик... достойно де на сём острове бытии пустыне или монастырю и церкви»⁴. Укромный остров, выбранный прп. Кассианом на таежном озере, окруженному труднопроходимыми болотами и лесами, полностью соответствовал средневековому образу «пустыни» из северорусской житийной книжности. Возможно, он устроил монастырь недалеко от родных мест, подобно многим другим основателям карельских обителей.

Внутреннее структурирование монастырской усадьбы также было единообразным: четкое разделение освоенного пространства на сакральную и хозяйственные зоны с водным рубежом между ними; для внешнего контура церковно-жилой территории – выдерживание в плане четырехугольной формы; обязательное строительство ограды и двух «врат»; размещение рядом с церковью трапезной и братского кладбища, и в некотором удалении – жилых «келий» и основных «домовых» служб («хлебня и поварня, келья проскуренная», амбары, погреба, ледники); вынесение «коровьего двора со стаями и салями» и дворов «бельцов» за пределы монастырской стены [6: 78].

Местонахождение Касьяновой пустыни локализуется на восточной оконечности Троицкого острова. Основные монастырские сооружения располагались на ровной, с небольшим уклоном к югу, востоку и западу площадке, на высоте 9–11 м над озером. К началу наших исследований остатки монастыря, за исключением церкви и часовен, находились в археологизированном состоянии. Культурный слой памятника сильно не потревожен «поздним» антропогенным воздействием. По данным визуального осмотра, площадь его распространения предварительно определена в 8600 м² (125 x 65 м).

Большая часть расчищенной от камней монастырской территории после официального закрытия обители и до недавнего времени использовалась жителями ближайших деревень под покосы. Сейчас здесь растет смешанный лес, на песчаных склонах – средний сосняк. Заповедной считалась зона вокруг сакральных объектов (церковь, кладбище и две часовни). Именно здесь можно увидеть вековые ели диаметром до 1,2 м.

Опишем основные выявленные монастырские объекты.

Церковь свт. Николая Чудотворца располагается в 87 м к западу от восточной оконечности острова. В период существования монастыря этот участок берега, скорее всего, был полностью обезлесен. Два храма выступали символыми доминантами озерного ландшафта, организующими окружающее природное и рукотворное пространство.

По сложившейся концепции зимнюю церковь срубили и освятили не ранее 1602 года [10], [12], но существует и мнение о более ранней дате постройки в 1573 году. Храм изначально имел трапезную и притвор, в который вело двусходное крыльцо (паперть) под двускатной крышей. В левом углу трапезной, как в простых курных избах, располагалась печь-каменка из булыжного камня (рис. 1). Под церковью, установленной на высоком подклете, находился «подвало кладовой», где стояла вторая черная печь для отопления [11: 197]. В начале XX века в четырех маленьких окнах в паперти и алтаре сохранялись рамы со слюдой. Последний в досоветское время ремонт древнего храма проводился в 1892–1901 годах. Тогда в паперти заменили сгнившие бревна, постелили новую крышу на всю церковь; три стены (кроме западной) были обшиты [7: 178]. К настоящему времени облик Никольской церкви существенно изменился. Крыльцо, паперть и келарская исчезли⁵. Храмовое здание состоит из двух неодинаковых клетей, конструктивно связанных общей стеной. Первая клеть, вытянутая с востока на запад, вмещает алтарь и помещение

для молитвы, а вторая, квадратная – трапезную. Восточная часть алтаря и трапезная покрыты двускатными слеговыми кровлями. Над западной частью церкви возведен приземистый восьмерик, над ним – шатер с луковичной главкой [7: 179].

Рис. 1. Муезерский монастырь. Церковь свт. Николая Чудотворца. Вид с запада. 2019 год. Фото автора

Fig. 1. Muezersky Monastery. The Church of Saint Nicholas. West-side view (2019). Picture taken by the author

Перепад поверхности склона холма по длиной оси здания (запад – восток) составляет около 1,2 м. Для нивелирования общего уровня храма создан сплошной ленточный фундамент в траншее. Его конструкция проста и традиционна для деревянных храмов Карелии. Использовался местный материал – валуны без обработки, облицовка фасада отсутствовала. В западной части Никольской церкви кладка невелика: под бревна подложены небольшие уплощенные камни толщиной до 0,1 м; в противоположной, восточной – использовались уже массивные валуны. Например, под юго-восточным углом здания находится камень размерами 1,1 x 0,5 x 0,4 м. Нельзя полностью исключить ситуацию, что фундамент – более поздний, чем здание церкви. Такая практика последующей несложной конструкционной доработки церквей также известна: под сруб при замене нижних венцов подводились «стулья».

Градусные направления здания церкви и рядом находящейся часовни Образа Спаса Нерукотворного совпадают. Предположительно они «увязаны» друг с другом и выстроены позднее часовни-гробницы прп. Кассиана, которая ориентирована точно по линии запад – восток, без обычной погрешности в широтном склонении. В раннем русском храмовом строительстве алтари ориентировались не на восток как таковой, а на восход солнца. Географический восток и место восхода солнца не совпадают, поэтому большинство древнерусских церквей ориенти-

рованы апсидами к астрономическому востоку с существенными отклонениями от канонического направления⁶.

С западной стороны церкви после удаления растительности наблюдался невысокий земляной валик (высотой 0,15 м), вероятно, оставшийся от стен сруба, длиной 6,5 м (запад – восток). Он примыкает к сохранившемуся зданию. Компактную груду камней (2,5 x 4,5 м и высотой до 0,3 м) к северу от современной входной лестницы можно предварительно интерпретировать как развал большой печи-каменки.

По северорусской храмостроительной традиции около церкви, с западной стороны, по одной оси или немного в стороне, возводилась колокольня. Утраченная к середине XIX века [11: 195], предположительно она стояла на месте, где сейчас находятся современные могилы. Существует гипотеза, что монастырская колокольня имела не срубное основание и каркасный верх, а была установлена на четырех столбах. Такого рода «облегченные» звонницы известны на Русском Севере⁷.

Часовня Образа Спаса Нерукотворного. Деревянный сруб часовни находится в 10,8 м к северо-западу от Никольской церкви, то есть первоначально она располагалась вплотную к зданию храма. Это небольшая клеть, срубленная «в обло» и обшитая тесом. На ней построена четырехгранная шатровая кровля, увенчанная деревянным восьмиконечным крестом (рис. 2).

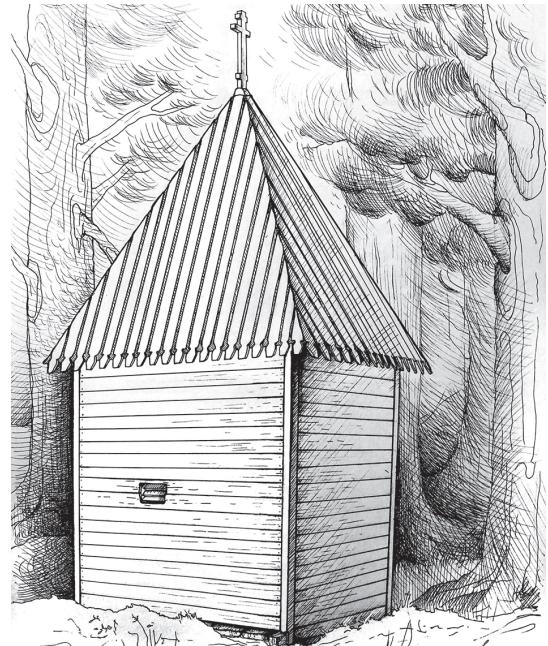

Рис. 2. Муезерский монастырь. Часовня Образа Спаса Нерукотворного. Рисунок М. Александровой

Fig. 2. Muezersky Monastery. The Chapel of the Holy Image of Our Saviour Not Made by Human Hands. Drawing by M. Aleksandrova

Помещение освещается через небольшое оконце, прорубленное в южной стене. Невысокий фундамент и вымостка при входе сделаны из плоских необработанных плит гранита (max 0,6 x 0,7 м). По оценке специалистов, к XVII веку относятся стены, за исключением нескольких верхних венцов, и сохранившееся косящатое окошко над дверью. В XIX веке был расширен дверной проем, на кровле поверх старого нижнего слоя теса положили новый, более тонкий, с резными пиками на концах, а сруб был обширен и покрашен [7: 172]. В часовне, сразу после постройки, был установлен монументальный четырехметровый обетный крест с резным распятием. Надпись на его подножии сообщает о времени поставления в 1681 году:

«Лета 7189 го года апреля во день поставил сий крест старец Алексеи Муезерской пустыни на поклонение православным крестьянам и по своему обещанию» [1: 157].

Справа от входа возле окна стоял второй поклонный крест, несколько меньшего размера, «с резными в кругах буквами», поставленный по обету старцем Алексием (Ермаковым):

«Лета 7190 июля в 5 день поставил сей крест старец Алексей на поклонение православным крестьянам» и «Да воскреснет Бог и разыдутся врази Его, Кресту Твоему поклоняемся Владыко. Крест красота всея вселенныя» [8], [10: 117].

В 1961 году распятие было снято с креста, разобрано и перевезено в Русский музей.

Над входом в часовню было укреплено резное изображение шатрового собора с иконой Спаса Нерукотворного: «с шатровой главой и входною дверью с двумя окнами по бокам...» [8: 389], ныне хранящееся в Государственном Русском музее [11: 189–190]. Перед входом в часовню сохранялась каменная плита, на которой по преданию «приплыл» святой Кассиан Муезерский. Легендарный камень, точнее три его фрагмента (0,9 x 0,5 м, 0,75 x 0,45 м, 0,55 x 0,32 м, толщина 4 см), сейчас лежит в 3 м к западу от часовни. По рассказам он был расколот рабочими при реставрационных работах в 1980-х годах.

Часовня над могилой прп. Кассиана. Скромная часовня, накрывшая могилу основателя, находится в 16,9 м к западу от часовни Образа Спаса Нерукотворного. При строителе Алексии (Ермакове), как сообщается в описи 1679 года, был «вновь над строителя Муезерская пустыни над Касьяна гробнице сделан киот с дверьми и покрыт новым тесом» [1: 159]. Предполагается, что до этого времени место захоронения старца Кассиана не выделялось в монастырском пространстве. Дошедшее до нас часовенное здание, рубленное «в лапу», построили предположитель-

но в конце XIX века на месте более раннего. Из-за своей клетской конструкции часовня напоминает простой маленький амбар под двускатной крышей. Внутри – пустая дощатая рака, «похожая на обычный сундук». Приходившие в Муезерский монастырь паломники обязательно поклонялись могиле основателя и оставляли рядом с ней свои приношения. Размеры часовни – 3,55 x 3,5 м. Сруб поставлен на каменный фундамент (высота 0,25 м) из сложенных на сухо в два ряда необработанных камней средней величины. К часовне примыкает (в 2,2 м к северо-западу) хорошо заметная выкладка из крупных задернованных валунов (до 0,9 x 0,9 x 0,6 м) в плане П-образной формы. Размеры по внешнему контуру – 3,7 x 4 м, по внутреннему – 2,2 x 2,3 м, высота – 0,6 м, ширина (северная стенка) – 1,2 м. Назначение сооружения непонятно, но, возможно, это фундамент навеса над поклонным крестом.

Церковь во имя Святой Троицы. В 16 м к западу от часовни прп. Кассиана зафиксирована впадина прямоугольной формы (11 x 8,5 м), ориентированная по длинной оси – юго-запад – северо-восток. Впадина задернована, плотно заросла крупными елями и березняком, имеет ровное дно глубиной до 0,4 м. По ее периметру хорошо виден характерный валик от стен высотой 0,35 м и шириной 0,6 м. С восточной стороны к ней примыкают две окружной формы ямы неясного назначения диаметром 2,4 м и 3 м и глубиной до 0,35 м. Скорее всего, это остатки первой монастырской церкви.

В письменных документах Троицкая церковь впервые упоминается в отводной книге, составленной сотником Семеном Юрьевым в 1591 году при передаче Соловецкому монастырю земель в Кемской и Подужемской волостях:

«Да на Маслозерской ж земли на Муезере на острову монастырек, а в нем храм Троицы Живоначальные, пустынька, а в ней пять братов, а питаютца от своих трудов лешео пашанкою и на озере рыбу ловят. Да на Муезере ж бобыльских 6 дворников»⁸.

В описи Муезерской пустыни 1705 года она описывается более подробно:

«...церковь живоначальная троицы древяная с трапезою холодная клинчатая. Глава обита чешуею древяною, крест на главе осмоконечной, та церковь и олтарь и трапеза и за нею паперть покрыты тесом з зубцами...» (цит. по [11: 190]).

Незадолго до закрытия монастыря обетивший Троицкий храм в 1751 году был отремонтирован и заново освящен. Год, в котором церковь погибла в пожаре, неизвестен (конец XVIII – начало XIX века?) [8], [11: 193].

«Дом с печами». В 15 м на юго-восток от Никольской церкви находятся остатки здания, возможно, двухэтажного, с двумя печами. Хорошо видны следы стен – ровный задернованный валик на месте истлевших нижних бревен высотой 0,35 м и шириной 0,3 м. Размеры 10 x 19 м, ориентация по длинной оси – север – юг. В северной части дома находятся две большие печи и одна невысокая каменная кладка неясного назначения. Печи задернованы, поросли деревьями, сложены из крупных необработанных камней, в плане окружной формы, с плоской вершиной, размерами 4,5 x 5,5 м и 3 x 5 м, высотой 1,4 x 1,5 м.

«Ледник». В 20 м к востоку от Никольской церкви находится хорошо сохранившееся сооружение из камней, которое можно интерпретировать как каменный ледник [20: 261–264]. Его верхняя часть и стенки выложены «насухо» из крупных валунов (max 1,1 x 0,8 м). Размеры по внешнему контуру – 3,7 x 3,6 м, по внутреннему – 1,9 x 1,2 м, глубина – 1,3 м. Скорее всего, он взаимосвязан с «домом с печами», который располагается в 7 м к югу. Ледники как специальные сооружения для хранения скоропортящихся продуктов широко известны в лесной зоне Европы. Ледяные глыбы весной вырезались специальными пилами и плотно укладывались в промороженную и проветренную за зиму яму погреба. Позднесредневековые ледники в Центральной России имели для отвода талой воды специальные желоба и колодцы, а также отдушины для вентиляции [9: 47]. В нашем случае песчаное дно позволяло осуществлять процесс дренирования без дополнительных конструкций. Поверх котлована ледника мог быть построен однокамерный бревенчатый сруб – «напогребник», хотя есть описания и «облегченных» конструкций без крыши, с перекрытием льда и продуктов соломой и досками⁹. Ледники, погреба, амбары входили в хозяйственную зону внутримонастырского пространства и обычно располагались около трапезной, кухни, хлебни. Ледник Муезерского монастыря отличается от немногочисленных исследованных раскопками погребов и известных по этнографическим материалам объектов на «новгородских землях» Русского Севера¹⁰. Использование «булыжного» камня при строительстве погребов в сельских и городских усадьбах милян здесь неизвестно. Стенки ям котлованов во избежание осыпания обычно обшивались плахами, берестой, обмазывались глиной или же внутри них делался бревенчатый сруб¹¹. Редкие каменные погреба-ледники единичны в крупных северных монастырских хозяйствах. Как показал анализ работ по данной тематике, обкладка камнями была строительной традицией «москов-

ской» округи [2], [4]. Ледник на Троицком острове – это второй объект подобного рода в Карелии. Еще один раскапывался в 2008 году на усадьбе Троицко-Сунорецкого монастыря в Западном Прионежье [20: 261–264]. В обоих случаях мы имеем дело с копированием образцов «каменного дела» Соловецкой обители.

«Ограда». В двух местах усадьбы, на юго-западном и северном участках берегового склона, зафиксированы хорошо сохранившиеся каменные «оградки». Наиболее выразительная невысокая «стенка», в 30 м к северу от часовни Образа Спаса Нерукотворного, располагается на краю террасы. Она полностью задернована, вытянута по прямой с севера на юг: длина – 12,5 м, ширина – 1,5 м, высота над уровнем озера – около 8 м, засыпка песком между камней отсутствует. Два-три ряда уплощенных необработанных камней средней величины (max 0,7 x 0,6 x 0,2 м) уложены до уровня 0,5–0,7 м от с. д. п. Заглубление конструкции в землю не отмечено. Несколько нижних валунов продолжаются в почву, то есть их использовали в естественном состоянии (рис. 3). Второй участок монастырской ограды – в юго-западной части усадьбы, в 35 м на северо-восток от часовни прип. Кассиана. Он в два раза протяженнее первого – 22 м. Расположен также на краю склона террасы, на высоте 8 м, вытянут с юго-запада на северо-восток, повторяет изгиб рельефа. Данная «стенка» невысокая – до 0,35 м, шириной до 1 м и сложена из небольших камней (диаметром до 0,35 м). Визуально они похожи на остатки валунных оснований невысоких деревянных стен, традиционно возводимых вокруг монастырей: «а около того монастыря вкруг ограда деревянная, крыта тесом» и сельских прицерковных кладбищ. Фортификационное назначение для них изначально не предполагалось. Ограда – это необходимое завершение архитектурной композиции ансамбля обители. Монастырская стена, как и водная преграда, имеет значение видимых символических препятствий, отделяющих сакральную территорию – земное подобие Рая – от материальной сути грешного мира: «ограда крепка, токмо не высока»¹².

На кладбищах и в монастырях на отдельных участках конструкция ограды могла быть различной [13], [16]. И не всегда они полностью замыкали территорию монастырской усадьбы или сельского некрополя [15]. Они могли «прикрывать» только «проблемные места», чаще всего с «фасада», где происходило наибольшее соприкосновение с внешним миром: около ворот, в местах дорожных подъездов, на береговых склонах с видом на соседние деревни. В Муезерском монастыре первая стена ориентирована на дорогу от

пристани к церкви, вторая – на деревню Авдеево на противоположном берегу озера. Существующий значительный незаполненный разрыв между «оградками» можно объяснить незаконченностью сооружения или возможным восполнением недостающих участков по периметру обители «облегченным» вариантом жердевой изгороди.

Рис. 3. Муезерский монастырь. Валунная «ограда». Вид с востока. 2019 год. Фото автора

Fig. 3. Muezersky Monastery. Stone fence. East-side view (2019). Picture taken by the author

Кладбище обычно располагается рядом с церковью. По опыту обследования монастырских некрополей историю островного могильника на Муезере можно разделить на три условных периода: 1. Братское кладбище в период существования монашеской обители (конец XVI – середина XVIII века). Оно могло быть около алтарей церквей с южной стороны или на специальном обособленном участке в границах монастырской усадьбы; 2. Кладбище в недолгий временной период после закрытия монастыря (2-я половина XVIII века) – деление погребальных зон на «старую» – монастырскую и «новую» – мирскую; 3. Приходское прицерковное кладбище деревень близлежащей округи на «острове мертвых» (XIX–XX века). Захоронения производятся на статусных местах вокруг храма и на «семейных участках», иногда на существенном удалении от церкви.

Традиционное, преднамеренное небрежение карел к поддержанию могил «в опрятности» приводило к тому, что по прошествии не более пятидесяти лет наземные следы захоронений терялись. Кроме того, монашеские погребения в северных монастырях сознательно делались без надмогильных сооружений (насыпи, домовины, кресты и т. п.). К этому нужно добавить обычную «текучесть» в XVI–XVII веках в общине обители и, соответственно, утрату памяти о захороненных. Поэтому при отсутствии необходимости экономии кладбищенской территории более ранние могилы постоянно нарушались поздними мо-

гильными ямами. Могилы устраивались преимущественно вне храма, около церковных стен [21]. «Престижными» считались восточный алтарный сектор, где погребали священников, монахов, и западный участок по обеим сторонам крыльца. Погребения существовали и внутри церквей, в подклети. В алтарной части приходских храмов погребали, а иногда просто «складировали» домовины с умершими младенцами до года. Некрещеные новорожденные и мертворожденные в деревянных ковчежцах и выкидыши в берестяных «кулечках» подзахоранивались снаружи к стене церкви, вдоль ее периметра. Внутри храма производились и погребения «взрослых»: наиболее значимых членов братии могли хоронить в южной части алтаря (в дьяконнике), а мирян – в притворе.

В настоящее время остатки сельского кладбища (могильные холмики, столбики и кресты) второй половины XX века хорошо видны к югу, западу, востоку и северо-западу от Никольской церкви. Надгробные резные столбики, уже очень ветхие, сейчас стоят не на могилах, а прислонены к ближайшим деревьям.

Каменный крест найден в 18 м к западу от часовни прп. Кассиана. Он был основательно заглублен в грунт с закреплением нижней части между камней. Первоначально крест установили вертикально, но со временем он накренился к югу. Скорее всего, он отмечает место алтаря сгоревшей церкви Святой Троицы. Крест изготовлен из плоского камня: длина – 0,81 м, ширина – 0,15 м в его верхней части, 0,19 м на уровне земли и 0,21 м в нижней части, толщина – 0,05 м. Длина надземной части составляла всего 0,36 м. Здесь на торцах сделаны по две округлых выемки, намечающие непропорционально короткие боковые выступы, что придало верхнему окончанию «крестообразную» форму. Боковые плоскости торцов имеют естественную скругленность. Следы обработки, надписи, изображения на обеих широких сторонах креста отсутствуют (рис. 4). Это второй каменный крест в Муезерском монастыре. В 1961 году экспедиция Государственного Русского музея вывезла несколько реликвий¹³, среди которых был каменный крест из алтаря Никольской церкви, первоначально стоявший в гробнице Кассиана («десять вершков длиной и шесть вершков шириной» – 45 x 27 см), с датированной надписью: «Поставиль сий крест первоначальной старец инок Генадий лета 7081 (1573) месяца августа в 11 день» [8: 388]. Кресты из камня – редкие объекты на территории Карелии. Подобного «упрощенного» типа, нечеткой формы, кустарно изготовленные намогильные

кресты в основном широко распространены в Белоруссии и Псковской области РФ. Единично они встречаются на карельских кладбищах в Западном Приладожье. Финляндские археологи предварительно датируют их XVI–XVIII веками [18: 358–359]. В Северной Карелии нам известен только один сходный, но большего размера каменный крест на кладбище в д. Костомукша, запечатленный на фото К. Инха в 1894 году [24: 163].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При строительстве жилых, культовых и хозяйственных построек Муезерской обители использовался опыт каменного строительства в Соловецком монастыре, привнесенный в Беломорье из Центральной России в XVI веке. Это ряд признаков, которые следует рассматривать как нехарактерные для небольших монастырей Карелии в XVI–XVIII веках: создание вымостки из каменных плит перед входом в часовню Образа Спаса Нерукотворного; строительство ледника с валунной обкладкой стен; возведение каменной пристани; «оригинальная» система отопления Никольской церкви: из отапливаемой печью-каменкой подклета теплый воздух поступал в верхние помещения по специальному деревянному коробу [12: 33]. Тесные связи Соловецкого монастыря и «дочерней» Муезерской обители подтверждаются историческими документами.

Предварительные изыскания 2019 года позволили получить интересные результаты по истории Троицкого Муезерского монастыря. Этот выразительный позднесредневековый памятник

заслуживает более пристального внимания специалистов.

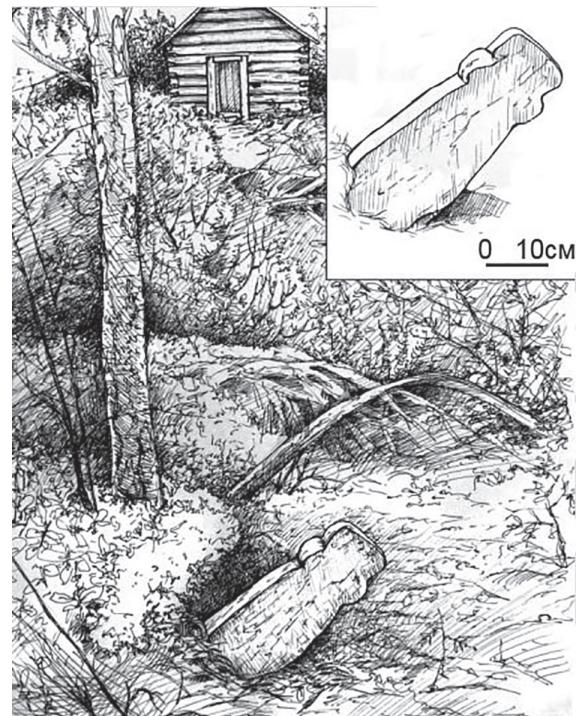

Рис. 4. Муезерский монастырь. Каменный крест. Вид с запада. 2019 год. Рисунок М. Александровой

Fig. 4. Muezersky Monastery. Stone cross. West-side view (2019). Drawing by M. Aleksandrova

БЛАГОДАРНОСТИ

Искренняя признательность за помощь Ирине Михайловой, Леониду Третьякову и Алексею Дегтярёву.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Материалы по истории Карелии XII–XVII веков. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1941. С. 35.
- ² Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. Ч. 2. М.: Университетская типография, 1836. С. 383–384.
- ³ Жульников А. М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. С. 130.
- ⁴ Пашков А. М. Троицкая Сунорецкая пустынь в истории России // Кондопожский край в истории Карелии и России: Материалы IV краевед. чтений, посвящ. памяти А. И. Шошина. Петрозаводск: Прогресс, 2000. С. 77–89.
- ⁵ Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера. М.: Стройиздат, 1989. С. 142.
- ⁶ Раппопорт П. А. Ориентация древнерусских церквей // КСИА. 1974. № 139. С. 45–47.
- ⁷ Половинкин И. В. Покровский Озерский монастырь на иконе XVII века // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков: Псковский музей-заповедник, 1992. С. 45–48.
- ⁸ Материалы по истории Карелии XII–XVII веков... С. 35.
- ⁹ Рабинович М. Г. Русское жилище в XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М.: Наука, 1975. С. 208.
- ¹⁰ Дубровин Г. Е., Тарабардина О. А. Погреб-ледник XVI века с Федоровского VI раскопа // Новгород и Новгородская земля. История и археология. 1998. Вып. 12. С. 154–158.
- ¹¹ Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно: Типолитография Товарищества п. ф. «Н. Манц и Ко», 1907. С. 135–137.

¹² Бусева-Давыдова И. Л. Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследство. 1986. Т. 34. С. 201–206.

¹³ Смирнова Э. С. Экспедиция в Карельскую АССР // Сообщения Государственного Русского музея в Ленинграде. Вып. 8. Л.: Наука, 1964. С. 127–129.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антропова И. А. Резной крест XVII века из Муезерского монастыря: к проблеме реконструкции и истории создания памятника // Святые и святыни Обонежья: Материалы всерос. науч. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 153–161.
2. Богомолов В. В., Володин Е. О., Заидов О. Н., Цыбин М. В., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Предварительные итоги археологических исследований селища Большое Саврасово 2 // Археология Подмосковья. 2015. Вып. 11. С. 339–411.
3. Бронникова Е. П. Редкие фотографии Соловецкого монастыря // Духовное и историко-культурное наследие Соловецкого монастыря. Соловки: Изд-во Соловецкого монастыря, 2011. С. 230–234.
4. Коваль В. Ю. О местонахождении Войницкого мыта // Археология Подмосковья. 2014. Вып. 10. С. 111–128.
5. Кожевникова Ю. Н. Кассиан Муезерский // Новый Олонецкий патерик. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 464–467.
6. Кожевникова Ю. Н. Монастыри и монашество Олонецкой губернии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. 302 с.
7. Кожевникова Ю. Н. Троицкий Муезерский монастырь в Западном Беломорье (XVI – начале XXI в.) // Поморские чтения-II: Сб. докладов научно-практ. конф. Архангельск: Лоция, 2019. С. 166–184.
8. Корельский Г. Приписная Муезерская церковь в Маслозерском приходе // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 13–14. С. 385–390.
9. Мильчик М. И. Злоключения каргопольских плотников на дворе московского дьяка в 1690 г. // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Каргополь: Велти, 2009. С. 43–54.
10. Молчанов А. А. Деревянная церковь Николая Чудотворца в Муезерском монастыре // Архитектурное наследство. 1969. № 18. С. 112–117.
11. Носкова А. Г. Троицкая обитель на Муезере в архивных источниках // Поморские чтения-II: Сб. докладов научно-практ. конф. Архангельск: Лоция, 2019. С. 185–201.
12. Ооловников А. В. Русское деревянное зодчество. М.: Искусство, 1986. 310 с.
13. Секретарь Л. А. О типологии деревянных рубленых оград монастырей и погostов XVIII века // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Карелии и сопредельных областей. Петрозаводск: ПетрГУ, 1986. С. 59–73.
14. Тарасов А. В., Линников Д. Д. К истории Троицкого монастыря на Муезере и его Никольской церкви // Восьмые Феодоритовские чтения «История просвещения Европейского Севера». СПб.: Ладан, 2016. С. 99–109.
15. Шамина И. Н. Ограды русских монастырей начала XVIII в. по переписным книгам 1701–1705 гг. // Жизнь в Российской империи: новые источники в области археологии и истории XVIII века. М.: ИА РАН, 2018. С. 113–116.
16. Шахнович М. М. Валунные насыпи на территории Карелии // Кижский вестник. 2005. Вып. 10. С. 260–277.
17. Шахнович М. М. К вопросу о гидротехнических крестьянских сооружениях Карелии: каналы озера Каменное (Киитехенъярви) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в Средневековье. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2016. Вып. 9. С. 426–437.
18. Шахнович М. М. Монументальные каменные кресты Карелии // Новгород и Новгородская земля: история и археология. Новгород: Печатный двор «Великий Новгород», 2009. Вып. 23. С. 343–365.
19. Шахнович М. М. Раскопки на усадьбе Адриано-Андрусовского монастыря в 2017 г. (Олонецкий район Республики Карелия) // Бюллетень ИИМК РАН. 2018. № 8. С. 70–80.
20. Шахнович М. М. Троицко-Сунорецкий монастырь в западном Прионежье: археологические работы 2007–2011 гг. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь: ИПК Паренто-Принт, 2017. Вып. 10. С. 257–272.
21. Шахнович М. М., Широбоков И. Г. Позднесредневековый православный могильник с. Варзуга: Итоги работ 2011–2012 гг. // Некрополи Кольского Севера: Изучение. Сохранение. Коммуникация. Мурманск: МГГУ, 2013. С. 27–49.
22. Шургин И. Н. Никольская трапезная церковь на Муезере // Реставрация и исследования памятников культуры. М.: Коло, 1982. Вып. 2. С. 89–95.
23. Шургин И. Н. Никольская церковь (1602 г.) Муезерской пустыни и деревянные монастырские трапезные церкви // Исчезающее наследие: Очерки о русских деревянных храмах XV–XVII веков. М.: ВБГИЛ, 2006. С. 29–40.
24. Bel'skiy S. V., Shakhnovich M. M., Laakso V. «Novgorodian» stone crosses from the western Ladoga region // Fennoscandia Archaeologica. 2019. XXXVI. P. 163–171.

Mark M. Shakhnovich, PhD in History, National Museum of the Republic of Karelia (Petrozavodsk, Russian Federation)
 marksuk62@mail.ru

MUEZERSKY TRINITY MONASTERY IN THE WESTERN WHITE SEA REGION: THE ARCHAEOLOGICAL ASPECT

This article is the first work on the archeology of the Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region. The monastery was founded by monk Cassian from the Solovetsky Monastery in the second half of the XVI century on an island in Lake Mui. This is the only place in the White Sea Karelia that preserved a fine jewel of church architecture of the XVII century – the Church of Saint Nicholas. In 2019, the first archaeological works were carried out on the territory of the monastery. The main task was to identify elements of the ancient cultural and economic landscape of the monastery. The archaeological studies were expected to clarify the boundaries of the monument, locate the main monastery's buildings and facilities, evaluate their condition, and outline a strategy for future work. Most of the monastery's objects described in historical documents were identified, including the burned-down Holy Trinity Church of the XVI century, a stone wall, an ice storage, the remnants of monastery cells, a stone cross and a cemetery. The obtained new information expands our knowledge of the late medieval monasteries in Karelia.

Keywords: Muezersky Trinity Monastery, Lake Mui, western White Sea region, monk Cassian, monastery fence, ice storage, stone cross, archeological studies

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his sincere gratitude to Irina Mikhaylova, Leonid Tret'yakov and Aleksey Degtyarev for their help.

Cite this article as: Shakhnovitch M. M. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region: the archaeological aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 4. P. 8–18. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.477

REFERENCES

1. Antropova I. A. Carved cross of the XVII century from the Muezersky Monastery: the problem of reconstruction and the history of creation of the monument. *Saints and Shrines of Obonezhye: Proceedings of the All-Russian Research Conference*. Petrozavodsk, 2013. P. 153–161. (In Russ.)
2. Bogomolov V. V., Volodin E. O., Zaidov O. N., Tsybin M. V., Shebanin G. A., Shekov A. V. Preliminary results of the archaeological research of the village of Bolshoye Savrasovo 2. *Archeology of the Moscow Region*. 2015. Issue 11. P. 339–411. (In Russ.)
3. Bronnikova E. P. Rare photographs of the Solovetsky Monastery. *Spiritual, historical and cultural heritage of the Solovetsky Monastery*. Solovki, 2011. P. 230–234. (In Russ.)
4. Koval V. Yu. Location of Voynitskiy Myt settlement. *Archeology of the Moscow Region*. 2014. Issue 10. P. 111–128. (In Russ.)
5. Kozhevnikova Yu. N. Cassian of the Muezersky Monastery. *New Olonets Patericon*. St. Petersburg, 2013. P. 464–467. (In Russ.)
6. Kozhevnikova Yu. N. Monasteries and monasticism in the Olonets Eparchy between the second half of the XVIII and the beginning of the XX centuries. Petrozavodsk, 2009. 302 p. (In Russ.)
7. Kozhevnikova Yu. N. Muezersky Trinity Monastery in the western White Sea region (between the XVI and the beginning of XXI centuries). *Pomor Readings-II: Proceedings of the Research and Practice Conference*. Arkhangelsk, 2019. P. 166–184. (In Russ.)
8. Korelsky G. Ascribed Muezersky Church in the Maslozersky Parish. *Arkhangelsk Eparchy News*. 1912. No 13–14. P. 385–390. (In Russ.)
9. Milchik M. I. Misadventures of Kargopol carpenters at the household of a Moscow clerk in 1690. *County cities of Russia: historical and cultural processes and modern trends*. Kargopol, 2009. P. 43–54. (In Russ.)
10. Molchanov A. A. Wooden Church of Saint Nicholas in the Muezersky Monastery. *Architectural Heritage*. 1969. No 18. P. 112–117. (In Russ.)
11. Noskova A. G. The Holy Trinity Monastery on Lake Muezero in archival sources. *Pomor Readings-II: Proceedings of the Research and Practice Conference*. Arkhangelsk, 2019. P. 185–201. (In Russ.)
12. Opolovnikov A. V. Russian wooden architecture. Moscow, 1986. 310 p. (In Russ.)
13. Sekretar' L. A. The typology of log fences of monasteries and graveyards in the XVIII century. *Problems of research, restoration and use of the architectural heritage of Karelia and adjacent areas*. Petrozavodsk, 1986. P. 59–73. (In Russ.)

14. Tarasov A. V., Linnikov D. D. The history of the Holy Trinity Monastery on Lake Muezero and its Church of Saint Nicholas. *The VIII Theodore Readings “History of Enlightenment of the European North”*. St. Petersburg, 2016. P. 99–109. (In Russ.)
15. Shamina I. N. Fences of Russian monasteries of the beginning of the XVIII century according to census books of 1701–1705. *Life in the Russian Empire: new sources in the field of archeology and history of the XVIII century*. Moscow, 2018. P. 113–116. (In Russ.)
16. Shakhnovich M. M. Stone bunds on the territory of Karelia. *Kizhi Bulletin*. 2005. Issue 10. P. 260–277. (In Russ.)
17. Shakhnovich M. M. Peasants' hydraulic structures in Karelia: canals of Lake Kamennoye (Kiitehenjärvi). *Tver, Tver lands and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2016. Issue 9. P. 426–437. (In Russ.)
18. Shakhnovich M. M. Monumental stone crosses of Karelia. *Novgorod and Novgorod lands: history and archeology*. Novgorod, 2009. Issue 23. P. 343–365. (In Russ.)
19. Shakhnovich M. M. Excavations on the territory of the Adriano-Andrusovsky Monastery in 2017 (Olonets region of the Republic of Karelia). *Bulletin of the Institute for History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No 8. P. 70–80. (In Russ.)
20. Shakhnovich M. M. The Holy Trinity Monastery in western Onega region: archaeological works 2007–2011. *Tver, Tver lands and adjacent territories in the Middle Ages*. Tver, 2017. Issue 10. P. 257–272. (In Russ.)
21. Shakhnovich M. M., Shirbokov I. G. Late medieval Orthodox burial ground in village Varzuga: Results of 2011–2012. *Necropolises of the Kola North: Study. Preservation. Communication*. Murmansk, 2013. P. 27–49. (In Russ.)
22. Shurgin I. N. The Church of Saint Nicholas on Lake Muezero. *Restoration and study of cultural monuments*. Moscow, 1982. Issue 2. P. 89–95. (In Russ.)
23. Shurgin I. N. The Church of Saint Nicholas (1602) of Muezerskaya Hermitage and wooden monastery churches. *Vanishing heritage: Essays on Russian wooden churches from between the XV and the XVII centuries*. Moscow, 2006. P. 29–40. (In Russ.)
24. Bel'skiy S. V., Shakhnovich M. M., Laakso V. “Novgorodian” stone crosses from the western Ladoga region. *Fennoscandia Archaeologica*. 2019. XXXVI. P. 163–171.

Received: 25 February, 2020